

И.Ю. Кобзев

МЫСЛЬЮ ПО ДРЕВУ
(Сенти - ментальное путешествие)

*«Боян бо вещей, аще кому хотяше песнь творити,
то растекашется мысию по древу,
(„ Слово о полку Игореве “)*

(Мысль - белка (Вл. Даль))

*„Cōgitō ergō sum“ («Я мыслю, следовательно, я есмь»)
(Рене Декарт)*

1

Редко бывает, но бывает, что читаешь роман и кажется, что ты сам его написал. Может быть в какой-то параллельной жизни, неведомой для тебя, протекающей среди других людей и обстоятельств, но сопровождаемой твоими же мыслями и твоими же впечатлениями. И тогда „ты отдаешься книге, как дороге“. Это мысль из романа Владимира Березина „Дорога на Астапово“, которая сразу же стала и моей мыслью. И я хочу продолжить ее так, чтобы из ствола этого романа выросло и разветвилось дерево нового романа,... или повести,... или рассказа. Тогда я растекусь мыслью по этому древу, и может быть оно принесет мне неожиданные плоды.

„Книге, как дороге...“ А музыке? А беседе с „умным старым другом, который сам не терпит суеты“? А сну? А выпивке? А рисованию картин? А написанию прозы? Не синонимы ли это все той же „дороги“? Тогда что же такое „дорога“ для человека, для его „Я“? И опять я нахожу ответ у Березина, и снова его мысль сразу же становится моей собственной: Суть любого путешествия состоит в изменении „Я“; возвращается человек из путешествия другим, не таким каким он был до путешествия. „Сила путешествия в случайности происходящего... и на каждом новом шаге случайности множатся, взаимодействуют, накладываются друг на друга, и вот уже не мы следим за дорогой, а она управляет нами“. Вот и ответ: „Дорога“ - это то, что управляет нами, изменяет наше „Я“. А путешествие – это все что угодно в нашей жизни, в чем изменяется наше „Я“. Поэтому можно быть путешественником, не выходящим из дому, а можно быть домоседом, непрерывно меняющим страны и континенты. Потому что путешествует не тело, а наше „Я“. А тело всегда остается „дома“. Как тот брат из Евангельской притчи о блудном сыне, который никогда не отлучался от своего отца и который не получил за это никакой награды. А „Я“ обязательно покидает своего „отца“. Христос говорит об этом еще резче и радикальнее: «Если кто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть моим учеником». При этом Он называет себя в беседе с Пилатом „путь, истина и жизнь“. Так что кто не отправляет свое „Я“ в путь-дорогу, тот и не живет и не ведает истины. Вот такая непривычная интерпретация притчи о блудном сыне получается. Куда-то еще заведет меня ветвящееся древо моих размышлений?

2

Вот еще одна фраза из романа: „Шкловский мимоходом обмолвился о древнем романе, который обычно построен на возвращении. Герой всегда прав, потому что возвращается...“ Одиссей – это возвращающийся герой. С этого романа началась европейская литература. Но с этого героя начался современный человек, который не просто внимает голосам богов, звучащим в его мозгу, но пользуется своим мозгом для мышления и принятия самостоятельных решений. Это первый герой, который отождествляет себя со своим „Я“, который изменяется вместе со своим „Я“. И именно поэтому он обречен на путешествие. Литература началась с романа о путешествии и с тех пор состоит из романов о путешествии. Березин заявляет: „Любой роман – это путевой журнал“. Странная мысль, которая сразу вызывает невольный протест. А если подумать... Что такое путь в романе? - Это его хронотоп. А что такое сам роман? - Это мысли автора по поводу этого хронотопа. Мысли, образы, фразы „обрастают“ хронотоп как листья обрастают ветвящийся силуэт дерева. По этому дереву хронотопа мысль скользит мысль автора. В этом отношении ничего не изменилось со времен „вещего бояна“ и до Пушкина, чей „кот ученый все ходит по цепи кругом“ дерева и говорит, говорит, говорит...

... Я хожу по дорожке возле дома взад и вперед – тридцать шагов туда и тридцать обратно, от веранды до елки и от елки до веранды, летом и зимой, весной и осенью. Зимой снег скрипит под ногами, а летом мелкий щебень шуршит. Так шуршат камешки на тропинках Крыма и Греции. Этот звук меня вдохновляет на размышление так же как запах льняного масла вдохновляет на рисование. Как у Пушкина: налево – сказку, направо – песню. Точнее – любимую пластинку „По волне моей памяти“, под которую я рисую Крымские пейзажи. Я хожу по одной и той же тропинке взад и вперед, взад и вперед, и она ветвится с каждым моим поворотом – следующий проход в ту же сторону происходит уже в сопровождении другой мысли. Поворот означает точку ветвления моей мысли. Вот и получается, что я хожу по дереву, как и положено бояну...

Дерево – вот универсальный символ нашей цивилизации. Дерево – это то, что связывает множество и единство: множество ветвей и единство ствола. Дерево – это символ вечного возвращения или притчи о блудном сыне. А значит и символ романа и даже всей литературы. Пришвин как-то писал о том как нужно правильно рассматривать деревья: нужно, приближаясь к ним, двигаться взглядом от основания ствола к вершинам ветвей и обратно. И в таком челночном движении взгляда нам откроется сущность дерева. Вообще-то так же движется взгляд мужчины, направленный на красивую женщину: от головы к ногам и обратно. Тоже „мыслью по дереву“ - может быть именно поэтому женщины так боятся мышей? Эта траектория взгляда объединяет всех мужчин, независимо от того, „фауст“ он или „одиссей“. Как там у старого шалуна Гете: „*Суха теория, мой друг, а древо жизни вечно зеленеет*“. „Древо жизни“, да, да - именно жизни. Именно жизни, которая всегда оказывается непроницаемой границей для любой теории. Это ее назвал Николай Кузанский - „ученым незнанием“ (docta ignorantia). А что такое жизнь и как понять древо жизни?

3

Жизнь – это форма существования времени. Я бы даже уточнил: виртуальная форма существования времени. С этим определением так же бессмысленно спорить, как с известным определением Энгельса: жизнь есть форма существования белковых тел. Прочитав такие определения, хочется сказать: „Ну и что?“ А пытаюсь ответить на это недоумение, можно незаметно дойти до конца нашего путешествия. А что? - нам ведь спешить некуда, время терпит.

Я помню как на одной корпоративной пьянке, на той ее стадии, когда подпитие толкает на неосторожные откровения, моя сотрудница рассказала мне свою историю, как она лишилась наивности в вопросе о том, откуда берутся дети. Это конечно случилось с ней в далеком детстве и конечно во дворовой компании. Соседский мальчишка рассказал о том, что

мужчина должен засунуть свой ... в женскую ... и через девять месяцев после этого из женской ... вылезет ребенок. Моя сотрудница сказала: „Я к тому времени знала много теорий о том, откуда берутся дети – от покупки их в магазине, до приема мамами специальных лекарств, от которых в животе образуются дети, которых потом врач вынимает, разрезав живот. И все они были одинаково правдоподобными для меня. Но то, что рассказал этот мальчишка, было настолько отвратительно, гадко и мерзко, что я сразу поняла, что это правда“. Вот эта фраза вспомнилась мне, когда я впервые услышал о теории виртуальности нашего мира: это было ужасно, но я сразу понял, что это правда.

Нет, я конечно знал со времени учебы в университете о крайностях идеализма, о Юме и Фихте, о „мир как мое представление“, но это вызывало только усмешку – мы ведь изучали природу и именно ее явления наблюдали в своих приборах. Все это было совершенно объективно и совершенно материально. И даже странности квантовой механики не поколебали моего объективного материализма – все это было где-то там, в глубине микромира, а мы-то занимались макромолекулами и клетками. Но вот я закончил университет и начал учиться. И постепенно понял, что время как бы выпадает из физики, что второй закон термодинамики, в который облечено время в нашем мире, как бы перпендикулярен всей остальной физике. И что на этот перпендикуляр нанизана сама жизнь. Я понял, что жизнь – это способ преодоления времени, что все хитроумные устройства живых организмов на всех уровнях организации от молекул до целого организма – это механизмы игнорирования времени. Нет, время конечно в конце концов побеждает – смерть неизбежна для организма, но пока он жив, времени в нем нет, он от него непрерывно избавляется. Избавление от времени и есть жизнь.

А потом появились компьютеры. И стало ясно, что компьютерная программа несводима к компьютерному „железу“: можно сколь угодно совершенствовать программу, но заменить „железо“ она не сможет. Хотя фон Нейман еще в докомпьютерную эпоху доказал возможность существования самовоспроизводящихся автоматов. Но ведь хотя они и воспроизводятся по программе, а все-таки строятся они при помощи уже существующего автомата и из уже существующих деталей, то есть из существующего „железа“. И вот это неустрашимое „железо“, торчащее „перпендикулярно“ любой программе, напомнило мне время, торчащее из физики. Это случилось, когда я потерял „невинность материализма“, столкнувшись с теорией виртуальной реальности. Я понял две вещи: во-первых, виртуальное существо в виртуальном мире не может обнаружить своей виртуальности, и во-вторых, в виртуальной реальности должно как-то проявляться „железо“, на котором и реализуется программа виртуального мира. Это проявление „железа“ перпендикулярно всем закономерностям виртуального мира, и именно эта „перпендикулярность“ и есть свидетельство виртуальности мира, данная нам в наших ощущениях и наших теориях.

Так я пришел к тому, что время – это и есть „железо“ нашего виртуального мира. А жизнь – это форма существования этого „железа“ в процессе работы программы этого виртуального мира. Поэтому жизнь до конца не описуема в наших теориях, ибо теории исчерпывающе описывают только программу и ее элементы. А „железо“ остается той самой *docta ignorantia*, о которой писал Николай Кузанский. Поэтому рядом с познанием должна существовать живая жизнь мыслителя, то самое древо жизни, по которому мыслью, но не мыслью, растекается мыслитель. А может быть и мыслью?

4

Вячеслав Всеволодович Иванов со слов Петра Леонидовича Капицы рассказывал о его разговоре с Эйнштейном в Кембридже. Эйнштейн заинтересовался экспериментами Капицы с использованием магнитных полей большой мощности и настойчиво советовал еще больше увеличить мощность установки, по его словам это должно быть чревато открытием новых явлений физики. Его уверенность раздражала Капицу:

- Вы же не специалист по магнитным полям, откуда Вы это знаете, кто Вам это сказал? Эйнштейн посмотрел на Капицу своими печальными глазами и тихо ответил:
- Бог.

Где же Эйнштейн встречался с Богом? - В своей интуиции, которая согласно Эйнштейну и создает новые теории, исходя из гармонии мира. Гармония сообщается человеку Богом. Потом теория проверяется опытом. Опыт приносит новое знание, с которым ученый вновь обращается к своему Богу – интуиции и получает от Него новую подсказку об устройстве мира. Так, совершая челночное движение мысли от „ствола“ теоретической идеи к „ветвям“ ее различных следствий в физическом мире, и вновь возвращаясь к исходной идее, ученый растекается мыслью по древу познания. При этом он не подозревает, что в своем познании реализует все тот же хронотоп притчи о блудном сыне. И что познание является одной из форм „путешествия“, в котором изменяется „Я“ исследователя.

Ведь что такое „Я“? - „Я“ - это система смыслов, нанизанных на личную историю человека. Каждое „путешествие“ нашего „Я“ вносит изменение в эту систему: появляются новые смыслы, старые отодвигаются на задний план или вовсе исчезают. Изменяются отношения между смыслами. Это изменение мы и называем „пониманием“. Мы говорим: „Я понимаю“. Это означает, что наше „Я“ - это „рамка считывания“ окружающей нас реальности. Она задает оптику нашего видения этой реальности. Эта оптика сильно искажает реальность, но мы ведь на самом деле и не знаем, что такое неискаженная реальность. Это мы кажемся себе стройным и гармоничным красавцем, а на самом деле наше „Я“ выглядит как тот „человечек Пенфилда“ в моторной или сенсорной коре мозга – уродливый маленький монстр с огромными пальцами и языком. Наше понимание – это и есть существование нашего „Я“. Это и есть знаменитое „*Cogito ergo sum*“ Декарта. То есть бытие „Я“ тождественно познанию при помощи этого „Я“. Получается, что древо жизни совпадает с древом познания?

Да, древо жизни нашего „Я“ совпадает с древом познания. Но совпадает ли наше „Я“ с нашим мозгом? - Похоже, что не совпадает.

5

Сейчас уже точно известно (и это показано в нескольких лабораториях мира), что наш мозг принимает решение раньше, чем то же самое решение принимает наше „Я“. Это факт, который пока никто не может объяснить. А есть еще такое явление как множественность личностей в одном человеке, вроде доктора Джекилла и мистера Хайда в романе Стивенсона. Это означает, что „Я“ - это не то же самое, что мозг. „Я“ ведь и появилось в истории позже мозга: Одиссей – вот первый зафиксированный в литературе случай, когда не мозг управлял человеком (посредством голосов различных богов), а само человеческое „Я“ принимало решения.

А теперь представим, что наш мир все-таки виртуален, то есть представляет собой реализацию Программы в некоем „железе“. Тогда и мозг наш есть реализация части этой программы. А наше „Я“ - это реализация некоторой другой программы, не совпадающей с программой мозга. А зачем нужна эта программа „Я“, если мозг прекрасно справляется со всеми жизненными отправлениями человека, включая принятие решений? В чем смысл появления „Я“? И связано ли его появление с тем, что впервые оно появилось у странника Одиссея? И тут я напомним формулу Березина: „Любой роман – это путевой журнал“. Значит странник, путешественник – это первый автор романа и автор своей жизни как романа. Этот автор и есть „Я“. Вспомним Бахтина: „Автор внаходим своему произведению и своим героям“. Поэтому „Я“ и не совпадает с телом и мозгом. „Я“ присутствует в мозгу „нераздельно и неслиянно“ как в известном догмате Церкви о природе Христа. И если есть в человеке след „божественности“, то он несомненно связан именно с его „Я“. Почему? - Потому что автор это в той или иной степени программист – программист романа и его

читателей, программист своей жизни. То есть автор делает дело того Программиста, который является Автором нашего виртуального мира. Автор – это и есть „образ и подобие Божие“. Быть может в замысел творения входит такая эволюция автора, когда из просто писателя он превратится в программиста новой виртуальной реальности, в которой он будет играть роль настоящего Бога. И тогда известный „Антропный принцип“ можно будет уточнить так: „Мир создан таким, чтобы в нем мог появиться Автор нового мира“. Но это еще в неблизком будущем, а пока...

... а пока „блудный сын“ покидает отчий дом и втайне догадывается, что никогда уже не вернется обратно, потому что если и вернется, то будет другим, совсем другим. Его путь блуждает и ветвится, он обретает знания и опыт, ему становится мало того „наследства“, которое он получил от своего Отца. У него возникает много вопросов к Отцу. И вот он решает вернуться. С трудом по ветвям древа своей прожитой жизни он возвращается к порогу своего дома. Отец радостно обнимает его, отвечает на его вопросы, разрешает его недоумения и дает ему новое „наследство“, с которым „блудный сын“ вновь отправляется в путешествие. И так живет и развивается наше „Я“ - мыслью по древу, вверх – вниз, вверх – вниз, вверх – вниз... а что же „добрый сын“, который никуда не путешествует, который сидит тут же у корней дерева, возле своего Отца и которого Отец обделил своим „наследством“. Этого „сына“ Фрейд назвал „Оно“ или бессознательным. В нем нет „Я“, потому что он не решился покинуть своего Отца. Вот этот „добрый сын“ и есть мозг без „Я“. Он является частью программы, автором которой является Отец, но сам он никогда не станет автором, никогда не сотворит свой „дивный новый мир“. Именно об этом в Евангелии от Матфея и сказано: „У кого есть, тому дано будет, а у кого нет, у того отнимется“.

6

Вячеслав Всеволодович Иванов вспоминал, как его пригласил к себе за несколько дней до своей смерти Пастернак – он хотел поговорить об искусстве и науке. Лежа на кушетке в своем кабинете он расспрашивал Иванова о представлениях квантовой физики об устройстве мира. А потом сказал:

- Мы не можем увидеть истину. Она скрыта от нас за занавесом. Мы только можем видеть колыхание этого занавеса. Вот это колыхание занавеса я и пытался выразить в моей поэзии... Все настоящие поэты в той или иной степени пророки. И Пастернак перед смертью пытался найти слова и образы, чтобы описать виртуальный мир, программа которого скрыта от нас, но ее реализацию во времени мы пытаемся описывать в своей науке и искусстве.

Пророкам дано заглянуть за „занавес“, а шаманы могли проникать за него в своем волшебном путешествии по Мировому Древу. Шаман мыслью и мыслью взбирался по ветвям этого дерева на Небо, где получал свои „скрижали“ - программу, которая позволяла ему перепрограммировать судьбу или течение болезни обратившегося к нему за помощью человека. Шаманы были первыми людьми, ставшими авторами в этом мире. Именно от шаманов берет начало язык, который они обретали в своих психоделических трипах. На этом языке шаманы рассказывали людям свой первый роман о вечном возвращении блудного сына к своему отцу. С этого романа началась мировая литература, которая на протяжении веков воспитывает в человеке автора. Чтобы однажды он действительно стал Автором нового виртуального мира, способного породить следующего нового Автора... Так совершается это бесконечное сентиментальное путешествие, никогда не прекращающийся акт творения, в котором, выражаясь языком Иоанна Скота Эриугены, *natura creans et creata* (творящее тварное начало) превращается в *natura creans et non creata* (творящее нетварное начало).